

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

В.В. ПЕНСКОЙ

«ЦЕНТУРИОНЫ» ИВАНА ГРОЗНОГО

Воеводы и головы московского войска
второй половины XVI в.

Новейшие исследования по истории России

Виталий Пенской

**«Центурионы» Ивана Грозного.
Воеводы и головы московского
войска второй половины XVI в.**

«Центрполиграф»

2017

УДК 94(47).043=161.1(02)"0/2"(470+571)

ББК 63.3(2)44.3

Пенской В. В.

«Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. / В. В. Пенской —
«Центрполиграф», 2017 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-07236-8

В этой книге доктора исторических наук, профессора В.В. Пенского на основе скрупулезного анализа широкого круга источников и литературы проанализированы судьбы русских служилых людей XVI в., занимавших средние командные посты в военной иерархии Русского государства той эпохи. Их можно назвать «центурионами» московского войска. До последнего времени люди, подобные героям очерков этой книги, крайне редко становились объектом внимания историков. Однако такая невнимательность по отношению к «центурионам» явно несправедлива. Шаг за шагом автор исследования, рассказывая о жизни своих героев, раскрывает картину истории Русского государства в сложную и неоднозначную эпоху, творцами которой являлись не только государи, бояре, церковные иерархи и другие, «жадную толпою стоящие у трона», но прежде всего «начальные люди» средней руки. Они водили в бой конные сотни детей боярских, выполняли дипломатические поручения, строили и защищали крепости, наместничали в городах. Их трудами, потом и кровью строилась великая держава, но сами они при этом были обделены вниманием и современников, и потомков. Исправить эту несправедливость хотя бы отчасти и призвана данная работа. Написанное живым, но вместе с тем научным языком, исследование предназначено преподавателям, студентам и всем, кто интересуется военной историей России XVI в., историей русского военного дела и повседневной жизнью русского общества той эпохи.

УДК 94(47).043=161.1(02)"0/2"(470+571)

ББК 63.3(2)44.3

ISBN 978-5-227-07236-8

© Пенской В. В., 2017

© Центрполиграф, 2017

Содержание

Пролог	7
Очерк I	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Виталий Викторович Пенской
«Центурионы» Ивана Грозного.
Воеводы и головы московского
войска второй половины XVI в.**

© Пенской В.В., 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Пролог

Дружино, не княжи руки ратных побивают, но наши; и ач князь переполошен, но мы здрави есьма; а половцы постерегши пристроились; да ночи деля не могут видети, колико наю; сего деля посмотрим, что ны Бог даст, или возворотим славу княжу и свою, или с честью ту костию ляжем, а врагом не дамы на себе посмехати.

Воевода Борис Захарьич, 1181 г. (Татищев В.Н. История Российская. Ч. 2 // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. IV. М., 1995. С. 297)

Заголовок этой книги, звучит, несомненно, несколько претенциозно и, можно даже сказать, вызывающе – о каких «центурионах» применительно к московскому войску середины XVI в. может идти речь? Можно, конечно, ответить удивляющемуся такой постановке вопроса в шуточной форме – а что, собственно, тут необычного? Москва, как отписал Василию III старец Филофей, есть Третий Рим, а как Риму стоять без легионов? И какой легион без центурионов? Но если подойти к этому вопросу серьезно, без тени иронии, то, на наш взгляд, для проведения такой аналогии основания есть, и основания серьезные. Более того, осмелимся даже выдвинуть предположение, что именно они, «центурионы» Ивана Грозного, сотенные головы, головы стрелецкие, в меньшей степени вторые и третьи полковые воеводы, являлись тем костяком, тем скелетом, вокруг которого строилась «рать многая и несчетная» московских государей, и именно они были главными творцами побед государевых полков над многочисленными недругами. Но обо всем по порядку.

Начнем издалека. 24 мая 1571 г. на московских окраинах русские полки под водительством большого воеводы князя И.Д. Бельского потерпели поражение в битве с крымскими татарами. Итогом этой неудачи стало сожжение Москвы, огромный полон, захваченный крымцами (речь шла о 60 тысячах пленников¹), десятки тысяч убитых и сгоревших в пламени грандиозного пожара и сильнейший удар по престижу Русского государства и лично Ивана Грозного. Возглавлявший этот печальной памяти набег на Москву хан Девлет-Гирей I имел все основания похвалиться в послании к Ивану Грозному, что «яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи»². А напомнил крымский «царь» русскому о другом похожем событии, имевшем место пятьдесятю годами раньше, в 1521 г., когда татарская рать, предводительствуемая ханом Мухаммед-Гиреем I, дядюшкой Девлет-Гирея, под Коломной наголову разгромила русские полки, возглавляемые отцом И.Д. Бельского князем Д.Ф. Бельским.

При разборе причин этих двух крупнейших в русской военной истории XVI в. поражений, имевших столь разрушительные последствия, на память приходят две фразы. Одна из них принадлежит английскому дипломату и мемуаристу Дж. Флетчеру, посетившему Россию в 80-х гг. XVI в. Характеризуя принципы, которыми руководствовались в Москве при назначении командующих царскими полками, посол писал, что у московитов «большой» воевода «обыкновенно... избирается из четырех главных дворянских домов в государстве, впрочем, так, что **выбор делается не по степени храбрости или опытности в делах воинских**; напротив, **считается вполне достойным этой должности того, кто пользуется особенным значением по знатности своего рода** (выделено нами. – В. П.) и вследствие этого расположением войска, хотя ничем более не отличается»³. Такое впечатление, что на Москве тогда исходили из предположения, которое спустя четыреста лет озвучит антиковед Я. Ле Бозк. Последний, говоря о командном корпусе римских легионов, считал, что, поскольку «военная техника того времени не представляла большой сложности», то и «несколько недель практики командования были достаточными, чтобы усвоить ее основы»⁴. Более того, можно подумать,

что царь, Боярская дума и дьяки Разрядного приказа предвосхитили афоризм К. фон Клаузевица, отмечавшего, что «военное дело просто и доступно здравому уму человека» (забыв как будто о том, что у этого афоризма есть и продолжение – «воевать сложно», и два приведенных в начале статьи примера это наглядно демонстрируют).

И еще одно высказывание, имеющее самое прямое отношение к предмету нашего разговора. Дж. Хэлдон, характеризуя особенности ведения войны византийцами-ромеями, отмечал, что **«качество военачальников было одним из самых важных слагаемых успеха в византийских войнах. Во главе с одаренным и опытным полководцем имперские армии были способны творить чудеса на поле боя, тогда как под неумелым руководством даже отборные войска терпели страшные неудачи».** И такую «полярность» в результативности действий византийских тагм он объяснял тем, что «в отличие от римских легионов I–II столетий византийские силы **не имели надежного, испытанного, обладавшего высоким самосознанием и профессиональными навыками унтер-офицерского корпуса, способного организовывать и дисциплинировать свои части и зачастую исправлять тактические ошибки командиров** (выделено нами. – В. П.)...»⁵.

Итак, сопоставив эти цитаты (взяв их в качестве неких аксиом), можно прийти к выводу, что проблема византийской, а вслед за ней и московской, «классической» эпохи (под ней мы подразумеваем войско Русского государства 2-й половины XVI – нач. XVII в., досмутного времени), армий заключалась в сильно колеблющемся уровне качества высших военачальников и отсутствии профессионального унтер-офицерского корпуса, тех самых центурионов, способных исправить ошибки высшего командования и на которых, по всеобщему мнению, держалась мощь римских легионов⁶. Кстати, в начале минувшего века русский военный теоретик, касаясь значения офицерского и унтер-офицерского корпуса в современной армии, отмечал, что **«только офицеры и сверхсрочные унтер-офицеры являются истинными носителями военных традиций, дисциплины и технических военных знаний»** (выделено нами. – В. П.)...»⁷. Обозначив две эти проблемы, попробуем их рассмотреть более подробно, но прежде несколько слов о степени изученности самого вопроса о командном составе русского войска классической эпохи.

Увы, здесь особенными достижениями отечественной исторической науке похвалиться нечем, хотя в этом нет ничего удивительного. Что русская, что советская и постсоветская историография – ни про одну из них нельзя сказать, что проблемы развития военного дела Московской Руси были для них не то чтобы первостепенны, а вообще занимали сколько-нибудь значимое место. Единственная масштабная монография, целиком и полностью посвященная вопросам, связанным с развитием русского военного дела в допетровскую эпоху, исследование А.В. Чернова, увидела свет больше шестидесяти лет назад⁸, соответствующий раздел в коллективной монографии по истории русской культуры XVI в., написанный П.П. Епифановым, – почти сорок лет назад⁹. Интересующей нас проблемы эти историки касались вскользь, мимоходом, и, к сожалению, точно так же мимоходом пробежал по ней восемь лет назад В.А. Волков¹⁰. Историков, обращавшихся к истории русского служилого «чина» даже в последние десятилетия, как правило, в большей степени интересовали традиционные аспекты жизни этой социальной страты, связанные с его «службой» лишь косвенно¹¹. И если, к примеру, вопросы, связанные с происхождением и генеалогией русской аристократии, ее участием в политической и военной жизни Русского государства той эпохи, в ставших классическими трудах отечественных историков еще рассматривались¹², то тем служилым людям «средней руки», кто не входил в узкий круг «жадной толпой стоящих у трона», посвящено не в пример меньше работ¹³. Да и сам их объем, этих работ, обычно не впечатляет – как правило, это статьи в малотиражных сборниках. И в итоге получить доступ к ним порой бывает весьма непросто¹⁴.

Однако, при всем при том, два главных вопроса, интересующие нас, в этих работах практически не рассматриваются. Лишь в последнее время появился ряд работ, в которых эта проблема поднимается, но лишь частично¹⁵. И этой работой мы предпринимая попытку привлечь внимание как профессионального исторического сообщества, так и рядовых любителей отечественной истории на роль и место среднего командного состава в русском войске второй половины XVI в. (при этом преднамеренно заостряя формулировки), благо для этого к сегодняшнему дню сложились более чем прежде благоприятные условия (и прежде всего касающиеся источников¹⁶). В принципе комплекс дошедших до нас источников по интересующей нас проблеме на первый взгляд представляется достаточно обширным. Прежде всего это разрядные записи, и преимущественно в частных разрядных книгах, которые более подробны, нежели официальный государев разряд¹⁷. Обусловлено это было тем, что частные разрядные книги являлись, по выражению отечественного исследователя Ю.В. Анхимюка, «местническими справочниками»¹⁸. Однако есть одно обстоятельство, которое затрудняет использование разрядных записей для исследования роли голов – в местническом деле 1589 г. князя В.В. Литвинова-Масальского с Р.В. Алферьевым было записано, что «с родословными людьми неродословным счету не живет»¹⁹. Поэтому разрядные записи представляют больший интерес при изучении карьеры «младших» воевод, «лейтенантов», тогда как прочие головы, не важно, сотенные ли, стрелецкие ли или какие иные, в силу своего «худородства» на страницы разрядов попасть могли только при очень благоприятных обстоятельствах. И поэтому в плане изучения «служб» наших героев намного больший интерес представляют летописи эпохи Ивана Грозного, тем более что, судя по всему, при их составлении широко использовались документы Разрядного приказа (те же разрядные записи, наказы воеводам и их «отписки», присланные воеводами сеунчи и прочие материалы подобного типа). Особенно подробны в этом плане летописные записи периода собственно Ливонской войны 1558–1561 гг. Пожалуй, ни до, ни после в сохранившихся материалах роль «центурионов» не просматривается столь же зримо и выпукло, как в эти годы. Дополнительную информацию к размышлению дают актовые материалы (позволяющие оценить материальное положение отдельных «центурионов» и их родственные связи)²⁰, родословцы²¹, синодики и пр. И естественно, поскольку вследствие плохой сохранности что государственных, что частных архивов той эпохи, материалов, имеющих в нашем распоряжении, все же недостаточно, приходится прибегать к косвенным свидетельствам из боевой практики русских полков, анализируя ход тех самых «прямых дел» и осад.

Теперь, когда мы кратко коснулись историографии проблемы и источников, определимся, прежде чем продолжить дальше, относительно того, кого считать «центурионами»? Этот условный (sic!) термин можно понимать, на мой взгляд, двояко. Широко – и тогда в него будут включены начальные люди двух «рангов», младшие воеводы (вторые и третьи полковые, те самые «лейтенанты» (по терминологии Флетчера), заместители и помощники «старших», первых полковых воевод) и головы, сотенные, стрелецкие, казачьи, «у наряду» и прочие. Узко – и тогда в нее войдут только головы и равные им по «рангу» начальные люди. Правда, многие «лейтенанты» также начинали свою карьеру головами, но в силу своего происхождения их служебные перспективы были более радужными, нежели у выходцев из среды рядовых детей боярских. Отметим, однако, что и здесь возможны варианты. Достаточно сравнить статус в московской военной иерархии XVI в. Шереметевых и Игнатьевых. Шереметевы были дальними потомками боярина великого князя Симеона Гордого Андрея Кобылы, а Игнатьевы вели свое родословие от Федора Бяконта, «выехавшего» в Москву из Черниговщины еще при Данииле Александровиче. Однако Шереметевы сумели удержаться на московском военно-политическом олимпе, а вот Игнатьевы – нет. Как отмечал С.Б. Веселовский, «многие (Игнатьевы. – В. П.) служили по московскому списку (в 1550 г. в избранную тысячу попали двенадцать Игнатьевых), изредка (sic!) они были головами в полках, и только один (Темка Федоров) возвысился до

стратилатского чина (правда, С.Б. Веселовский забыл о еще одном представителе рода Игнатевых, дослужившегося до воеводского чина – Русине Игнатеве, сложившем свою голову осенью 1558 г., будучи воеводой в ливонском замке Ринген. – В. П.)...»²². Но даже у «лейтенантов» шансы стать «большими» воеводами были невелики. Тот же Шереметев Меньшой (как и, к примеру, упоминавшийся выше Д.И. Хворостинин), несмотря на отличный послужной список и богатый опыт вождения войск, был все время на вторых ролях²³. Поэтому, по нашему мнению, термин «центурионы» все же позволительно трактовать в широком смысле, включая сюда как «лейтенантов», так и рядовых голов, которым в силу их «худородства» «стратилатские», воеводские чины (за редким исключением) не светили.

Итак, после этого затянувшегося вступления перейдем к самому важному – почему мы полагаем необходимым обратить особое внимание на «центурионов» Третьего Рима? И чтобы ответить на этот вопрос, подойдем к нему несколько необычно, кружным путем. Зададимся вопросом – а каким был характер подготовки московского «генералитета», «больших воевод» русского войска второй половины XVI в., тех самых, которые навывкли служить государю со «своим набатом». Очевидно, что именно этот параметр являлся определяющим, базовым – от качества обучения будущих «больших» воевод напрямую зависела и эффективность действий руководимых ими государевых полков. Как обстояло дело с этим в тогдашней России? Нет никаких сомнений, что для тех времен, о которых пойдет речь дальше, правильное, «регулярное» военное образование, обучение командного состава, сочетающее изучение военной теории с полевой практикой, – дело далекого будущего. Конечно, можно вспомнить о том, что венецианский посол Марко Фоскарини (?) писал, что «в настоящее время (то есть в конце 50-х гг. – В. П.) император Иван Васильевич много читает из истории римской и других государств, отчего он научился многому». И к этому он добавлял, что молодой русский царь «часто советуется с немецкими капитанами и польскими изгнанниками»²⁴. Однако это свидетельство, позволяющее предположить, что в Москве были знакомы с классической литературой и, быть может, с какими-то сочинениями по военной теории (так, «Тактика» императора Льва VI Мудрого на итальянском языке была издана в Венеции в 1541 г.²⁵), пока остается единственным. Это не дает сколько-нибудь серьезных оснований для предположений о существовании в то время в Московии системы военного образования, подобной той, что сложилась к тому времени на Западе в аристократической среде (чтение античных классиков вкупе с изучением теоретических трактатов и последующей практикой²⁶). Более того, несмотря на достаточно высокий уровень грамотности, присущий русской не только элите, но и «среднему классу» той эпохи, мы не имеем каких-либо попыток обобщения, пусть и в форме мемуаров или записок, собственного военного опыта. Правда, англичанин Дж. Горсей упоминает о том, что князь И.Ф. Мстиславский вел некую «секретную хронику», с которой он, Горсей, имел возможность познакомиться²⁷. Но, как и в предыдущем случае, это свидетельство единственное в своем роде, и к тому же эта «хроника», если она и существовала, до нас не дошла, и можно только догадываться, о чем там шла речь. Безусловно, определенные попытки осмысления накопленного опыта ведения войн делались, и сам факт осуществления военных реформ в 50-х – начале 60-х гг. об этом свидетельствует, равно как и сохранившиеся указы воеводам, отправлявшимся во главе царских полков на «фронт» (примером тому может служить знаменитый наказ князю М.И. Воротыньскому, полученный им накануне Молодинской кампании 1572 г.²⁸). Однако более или менее целостного изложения основных положений московской военной теории, более того, каких-либо уставов и наставлений по обучению и вождению войск того времени мы не имеем²⁹.

Остается единственный путь постижения «науки побеждать» – вполне традиционный практический, в рамках существующей и хорошо знакомой военной традиции, складывав-

шейся на протяжении многих десятилетий. «Делай как я» – судя по всему, именно этот принцип был положен в основу подготовки высших командных кадров в московской армии «классического» периода (под классическим периодом мы понимаем прежде всего вторую пол. XVI – начало XVII в.).

Однако при всей разнице войны современной и войны средневековой все равно война даже в те патриархальные времена оставалась сложным делом, и, чтобы стать настоящим профессионалом, нужны были годы походов и сражений, в которых был бы набран необходимый опыт, знания и навыки вождения многотысячных ратей. Попытки же молодых и неопытных, но заносчивых и преисполненных самомнения аристократов взять на себя всю полноту командования и ответственности могли привести к весьма печальным последствиям, и таких примеров в истории, в том числе и русской, немало. Достаточно вспомнить об упоминавшемся выше поражении русских войск в 1521 г. под Коломной, когда молодой и неопытный воевода князь Д.Ф. Бельский, оказавшись в сложной ситуации, растерялся и, потеряв нити управления войсками, был разбит татарами. С. Герберштейн отмечал при этом, что князь «был молод, пренебрегал стариками (мнением более опытных воевод-ветеранов. – *В. П.*), которых это оскорбляло: они в стольких войнах были начальниками, теперь же оказались без чести...»³⁰. Кстати, если касаться опыта Д.Ф. Бельского, то при всей его знатности и «дородности» опыта руководства большой полевой ратью к 1521 г. он не имел никакого. Для 22-летнего князя кампания 1521 г. на «берегу» должна была стать не только его первой в качестве главнокомандующего, но и вообще первой полевой кампанией³¹. Карьера его сына до трагического 1571 г. также не впечатляет большим количеством боевых эпизодов. О начале его военной службы сведений нет, можно лишь догадываться, что отец брал с собой сына в кампании (в 1541 г. на Оку, отражать нашествие Сахиб-Гирея I, и потом в казанские походы). Примечательно, что юный князь уже тогда занимал отнюдь не последнее место в придворной иерархии – на царской свадьбе он «на великого князя месте сидел», но при этом военные службы его до 1555 г., когда он вдруг оказывается первым среди дворовых воевод³², никак не отмечены в разрядах или в летописях. И с 1555 г. И.Д. Бельский практически непрерывно занимает пост «большого» воеводы, являясь первым воеводой большого полка, главным образом на «береговой» службе. Однако при этом эпизодов, которые можно назвать боевыми, в его послужном воеводском списке – раз два и обчелся: Полоцкий поход 1562/63 г. да походы против Дивей-мурзы в июле 1560 г. и на помощь осажденному татарами Болхову в октябре 1565 г. (да и то в обоих случаях обошлось без «прямого дела» с участием главных сил русской рати во главе с Бельским, ибо воеводы «крымских людей не сошли»)³³.

Конечно, можно сказать, что примеры отца и сына князей Бельских непоказательны, и это утверждение будет справедливо на фоне сравнения их карьеры с карьерой князя М.И. Воротынского, которого князь А.М. Курбский характеризовал следующими словами: «Муж наиплеший и наикрепчайший... в полкоустроениях зело искусный... много от младости своей храброствовал»³⁴. За плечами Воротынского, назначенного в кампанию 1572 г. первым воеводой большого полка, было 30 лет непрерывной военной службы³⁵. Начало его карьеры, согласно разрядным книгам, относится к 1543 г., когда он был назначен первым воеводой в пограничный Белев. Затем его ожидало наместничество в Калуге и «годование» воеводой в пограничном Васильгороде. Службу на «берегу» он переменял на командование полками, отправлявшимися раз за разом на Казань. Шаг за шагом он приближался к высотам военной иерархии, и вот в 1552 г. он был назначен вторым воеводой большого полка и вместе с Иваном IV ходил к Туле, когда под ее стенами появился Девлет-Гирей с войском (вот тут едва не состоялось первое «знакомство» воеводы с крымским «царем»). В знаменитом казанском походе 1552 г., завершившемся падением Казани и Казанского «царства», М.И. Воротынский был вторым воеводой большого полка и сыграл важную роль в ходе осады и штурма татарской

столицы. Его боевые заслуги были отмечены новым назначением – по возвращении домой Воротынский впервые получил самостоятельное командование, будучи назначен первым воеводой большого полка трехполковой рати, возвращавшейся домой полем «коньми».

Казанское «взятие» выдвинуло воеводу, находившегося в самом расцвете сил (ему было тогда около 40 лет), в узкий круг высших военачальников Русского государства. Вся его последующая карьера проходила на «берегу» (за исключением периода с осени 1562 г. по 1565 г., когда князь находился в опале и в ссылке). На протяжении почти 20 лет князь попеременно, в зависимости от подбора воевод на командование полками в очередной кампании, был первым или вторым воеводой большого полка или же первым воеводой передового полка либо полка правой руки. Не вполне доверяя князю³⁶, Иван Грозный тем не менее признавал за ним огромный опыт «польской» службы – вряд ли случайным было решение царя назначить именно Воротынского 1 января 1571 г. «ведати станицы и сторожи и всякие свои государевы полские службы»³⁷. В трагические майские дни 1571 г. М.И. Воротынский, командуя передовым полком земской рати, единственный из всех воевод не только сумел сохранить боеспособность вверенных ему сил, но и «проводил» крымского царя от московского пепелища до самого Поля.

Можно привести и другие подобные примеры, однако, похоже, в случае Воротынского, как и во многих других, отсутствие нужного теоретического и порой практического опыта компенсировались в известной степени природной сметкой и талантом. А опыт приходил со временем, по мере возмужания воеводы. Но в таком случае возникает другой вопрос – кто же тогда был хранителем тех самых традиций, о которых говорил Михневич, кто был ядром войска, «дядькой» при молодых аристократах, постигавших на практике азы военного искусства? И здесь напрашивается предположение, что главная тяжесть войны ложилась на плечи среднего и низового командного звена русского войска. И снова одна весьма примечательная цитата. Имперский посланник С. Герберштейн, человек весьма осведомленный и наблюдательный, неоднократно бывавший в России при Василии III, характеризуя татарские военные обычаи, писал, что «когда им (татарам. – В. П.) приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда, для этого у них есть опытные в сих делах вожатые (ductores – такой латинский термин использовал Герберштейн. – В. П.), за которыми они следуют. Но если эти (вожатые) или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага»³⁸.

В этой фразе обращает на себя внимание чрезвычайно важная роль татарских ductores'ов! Ведь выходит, что на поле боя именно татарские командиры низшего и среднего звеньев – главные организаторы победы, от их действий, от их умений и навыков вождения своих людей на поле боя зависит если не все, то очень и очень многое. Но недаром русская поговорка говорит, что с кем поведешься – от того и наберешься (или другой ее вариант – скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты). Во второй половине XV – начале XVI в. процессы «ориентализации» тактики, стратегии и обусловленного ими комплекса вооружения русского войска, в особенности поместной конницы, зашли настолько далеко, что, по большому счету, в глазах тех же иностранных наблюдателей между татарским и русским воином не было никакой существенной разницы. Следовательно, можно с уверенностью утверждать – то, что говорят о татарах, приложимо и к русским. И напрашивается вывод: главная тяжесть что «большой», что «малой» войны ложилась на плечи среднего и низового командного звена русского войска. Именно они, вторые и третьи полковые воеводы, головы сотенные и стрелецкие, казацкие и «у наряду», опытные ветераны и настоящие профессионалы, закаленные во множестве похо-

дов и схваток, неоднократно рисковавшие своей головой, находившиеся в самой гуще схватки, непосредственно руководили рядовыми бойцами и обеспечивали «большим» воеводам и возможность на практике усвоить военные премудрости и завоевать победу.

Эти «центурионы» Третьего Рима, подолгу командуя тактическими подразделениями стрельцов, казаков или детей боярских, регулярно вступали в боевое соприкосновение с неприятелем, причем на разных направлениях и на разных ТВД, накапливали огромный практический опыт ведения боевых действий разнообразного характера – здесь и набеги, и участие в «прямом деле», и осады, и пр. Да, они, в силу своего «худородства», как и настоящие римские центурионы, не могли рассчитывать (за очень, очень редким исключением) на воеводские должности (разве что наместником где-нибудь на далекой окраине, в захудалой небольшой крепостце или остроге или, в лучшем случае, могли стать одним из воевод «лехкой» или «плавной» рати, быть в которой для знатного московского аристократа было бы «невместно»). Но от них, как от татарских *ductores*’ов, во многом зависел на деле исход сражения и кампании в целом как суммы сражений и схваток. Еще раз подчеркнем – на наш взгляд, именно их опыт и выучка давали возможность таким людям, как И.Д. Бельский или М.И. Воротынский, не только на практике овладеть необходимым минимумом практических знаний, но и, в случае необходимости, исправить ситуацию.

И еще одно очень важное, на наш взгляд, обстоятельство. На него обратил внимание О.А. Курбатов, анализируя особенности тактики московской конницы «сотенной службы». Историк писал, что, «систематически избегая открытых сражений, **московские воеводы не имели особых навыков командования крупными массами войск (в 10–20 тыс. чел. и более) на одном поле боя** (выделено нами. – В. П.)...»³⁹. Быстро проскакивая начальные и средние этапы военной карьеры, молодые воеводы из знатных семейств не успевали накопить необходимый опыт вождения войск, а стремление избежать «прямого дела» как отличительная черта московского военного искусства классического периода отнюдь не способствовало формированию у них четких навыков вождения тех самых крупных масс войск на поле боя. В известной степени недостаток этого опыта могло бы компенсировать наличие военной теории (подобной той, что была, к примеру, в Китае или в той же Византии), но ее, как было показано выше, в Московии XVI в. как отдельной отрасли знания еще не существовало. Редкие более или менее масштабные «прямые дела» также не способствовали формированию соответствующей практической традиции и опыта, который можно было бы перенять молодым аристократам. Оставалось уповать только на природные данные и сметку, а ими обладали далеко не все воеводы-аристократы. Вот и выходит, что в определенном смысле московские «большие воеводы» (образно говоря, «генералитет») в большей степени являлись военными администраторами, полководцами, но не военачальниками. И последний термин в его изначальном смысле был в намного большей степени приложим как раз к тогдашним «штаб- и обер-офицерам», тем самым сотенным и стрелецким головам и младшим воеводам (например, И.В. Шереметеву Меньшому или князю Д.И. Хворостинину), обладавшим не в пример большим практическим опытом ведения боевых действий, чем их скороспелые начальники. И в свете этого (если наше предположение верно) становится понятным, почему, к примеру, в ходе той же Баториевой войны 1579–1582 гг. русским воеводам лучше удавались действия небольшими отрядами (сотни и первые тысячи) набегового характера. Такого рода действия были понятнее и привычнее для командного состава царских ратей, нежели маневрирование крупными массами войск. Точно так же ясно, почему русским воеводам лучше удавались осады, чем большие полевые сражения, – здесь, в статичных условиях, не требовавших умения быстро и своевременно реагировать на изменения обстановки (а в конной схватке, скоротечной по определению, умение держать руку на пульсе схватки было одним из важнейших), и можно было без помех реализовать превосходство над противником в организации и технике.

И, завершая наше вступление, сделаем еще пару замечаний, которые могут показаться парадоксальными и даже еретическими. Первое. Похоже, что «сотенная» реформа середины 50-х гг. XVI в., проанализированная, в частности, О.А. Курбатовым⁴⁰, имела серьезный внутренний изъян. Она была, судя по всему, неизбежной, учитывая рост численности русского войска при Иване Грозном. Однако раньше, при Иване III и Василии III, полевые армии были, как правило, небольшого размера (до 10 или немногим больше тысяч, в лучшем случае, если предпринимался серьезный, с далеко идущими стратегическими целями поход, – до 15–20 тысяч «сабель и пищалей», как, например, в Смоленском походе Дмитрия Жилки в 1502 г.⁴¹, очень редко больше). И «большие», и полковые воеводы могли напрямую командовать подчиненными им частями (в силу их немногочисленности). Теперь же, с 50-х гг., в армейскую структуру была введена промежуточная инстанция – те самые сотенные головы. Именно на них оказалась возложена основная тяжесть непосредственного командования войсками на поле боя, а «большие» воеводы в еще большей степени, чем раньше, стали заниматься административными вопросами со всеми вытекающими отсюда последствиями – как положительными, так и отрицательными.

И второе. Касаясь роли римских центурионов, авторы «Римских легионов в бою» отмечали, что «центурионы были оплотом и хранителем военных традиций, но в то же время наиболее консервативной частью армии, часто противниками различных инноваций»⁴². На наш взгляд, эти слова могут быть отнесены в полной мере и к среднему командному составу русского войска второй половины XVI в. В условиях неразвитости военной теории и господства практического способа овладения военными премудростями, отсутствия привычки к осмыслению накопленного военного опыта (выше мы уже писали о том, что жанр военных мемуаров или записок, достаточно развитый к тому времени на Западе, в Московской Руси отсутствовал) традиционализм мышления русских начальных людей среднего звена, «штаб- и обер-офицеров» создавал определенные препятствия на пути быстрой адаптации новшеств в военном деле к нуждам русского военного дела и искусства.

И вот теперь, когда мы обрисовали в общих чертах важную роль, которую играли в «легионах» Третьего Рима их «центурионы», можно перейти к жизнеописанию некоторых из них...

Очерк I

Рязанский примипил: Степан Григорьев сын Сидоров

Повествуя в своем памфлете «История о великом князе Московском» об учиненном Иваном Грозным «побиении боярских и дворянских родов», князь А.М. Курбский среди прочих казненных по приказу царя упомянул и Григория Сидорова, «с роду великих синглитов резанских»⁴³. И, сообщив об очередной жертве «зверья», князь-эмигрант счел необходимым сделать небольшое пояснение относительно отца Григория Сидорова – о Степане, «муже славном в добродетелях и в богатырских вещах искусном», который, оказывается, «служаше много лет, аж до осмидесяти лет, вернее и трудолюбне зело империи Святоруской»⁴⁴. В этом кратком известии обращает на себя внимание одна деталь – согласно словам Курбского, Сидоров-старший дожил до 80 лет. Учитывая, что службу тогдашние служилые люди начинали рано, с 15 лет, то, выходит, рязанец провел в седле с саблею в руках не много и не мало, а 65 лет! Для той эпохи редкий, если не исключительный, пример ратного долголетия! Казалось бы, уже из-за одного этого судьба Степана Сидорова заслуживает пристального внимания, но, увы, кроме краткой биографической справки о «муже славном» у С.Б. Веселовского, Ю.Д. Рыкова и отчасти – у А.В. Кузьмина⁴⁵, больше ничего в нашем распоряжении нет. Опробуем восполнить этот пробел и реконструировать биографию Степана Григорьева сына Сидорова, потомка рязанского боярского рода, по дошедшим до наших дней немногочисленным источникам.

Источников этих, увы, немного – к числу главных могут быть отнесены родословцы, разрядные книги и летописи. К сожалению, они не могут дать необходимой полной картины. Сидоровы как рязанский боярский род поздно перешли на московскую службу. По этой причине они не могли претендовать на высокий местнический статус на Москве во времена Ивана Грозного, когда московская правящая элита ощутила настоятельную необходимость в установлении нового, более или менее понятного и устойчивого *modus vivendi* взамен прежнего, нарушенного в годы «боярского правления». Как результат, на свет появились и Государев разряд, и Государев родословец, и более или менее четкие правила разрешения местнических споров. Но слова А.А. Зимина, сказанные по отношению к князьям Оболенским, к Сидоровым могут быть отнесены в еще большей степени: «На судьбе князей Оболенских можно проследить две тенденции, характерные для истории княжеских родов XV – начала XVI в. Во-первых, старшие ветви рода постепенно сходят с исторической сцены, так как их потомки оказываются связанными с уделами... Во-вторых, в случае разрастания рода и самые младшие ветви тоже могут оказаться связанными с уделами, а поэтому с трудом пробивают себе путь к великокняжескому двору...»⁴⁶ Служба рязанским великим князьям после событий 1521 г. (о них разговор еще впереди) – не самая лучшая рекомендация в борьбе за право войти в узкий круг государевых приближенных, а значит, лишь в очень малой степени она могла поспособствовать карьере нашего героя на новом поприще. И еще одно следствие – поскольку разрядные записи не в последнюю очередь играли справочную роль при разрешении местнических споров⁴⁷, то, соответственно, высокий или низкий статус при дворе государя определял частоту появления служилого человека в этих записях, число его «именных служб». И поскольку летописание при Иване Грозном велось с широким использованием документов из великокняжеских архивов – текущей разрядной и дипломатической переписки, воеводских отписок, сеунчей и пр., то и вероятность встретить служилого человека на летописных страницах снова зависела от его статуса в служилой и придворной иерархии.

Теперь можно вернуться обратно к личности Степана Сидорова и его биографии. И начать нужно будет с его родословной, ибо происхождение и генеалогические связи служилого

человека в Московском государстве во многом предопределяли или его успешную карьеру, или же, по меткому замечанию А.И. Филюшкина, отличную возможность «бесцветно провести свою жизнь в бесконечных походах в «дальконных градах» либо сложить голову в «государевой опале»⁴⁸. Согласно родословцам, дальним предком Сидоровых был некий Семен Федорович Кавыла (Ковыла), который «приехал» на службу к великому князю Василию Дмитриевичу из Литвы, а затем перебрался в Рязань к тамошнему великому князю Олегу Ивановичу⁴⁹. А.А. Зимин полагал эту запись родословца ошибочной, поскольку, по его мнению, предок Сидоровых, некий боярин Семен Федорович, служил Олегу Ивановичу уже в 1371 г.⁵⁰ Кроме того, и само «литовское» происхождение Сидоровых и ряда других рязанских родов вызывает, по мнению некоторых исследователей, сомнение. По их мнению, «это известие не вполне достоверно», поскольку отражает «психологию служилых людей XVI в., перешедших на государеву службу в Москву и стремившихся в этой связи утвердить себя через родовую легенду в среде старомосковского боярства»⁵¹.

Определенный резон в этом есть, но вместе с тем, по нашему мнению, сбрасывать со счетов версию родословца преждевременно. Прежде всего, эта запись была сделана в 40-х гг. XVI в., спустя примерно полторы сотни лет после описываемых событий. Сменилось не так уж и много поколений, чтобы память о тех временах забылась. Далее, С.Б. Веселовский справедливо указывал, что «для бояр XIV–XV вв. ведение родословных записей из поколения в поколение было не делом тщеславия, а необходимым условием ежедневной борьбы за свое положение»⁵². Попытаться приписать себе несуществующего предка в середине XVI в. было делом рискованным, совсем не то что в конце века XVII. Кстати, и сам А.А. Зимин отмечал, что рязанское боярство «складывалось на протяжении нескольких столетий и образовывало замкнутую корпорацию, тщательно охранявшую свои привилегии»⁵³. Поэтому мы склоняемся признать правдоподобной версию о литовском происхождении родоначальника Сидоровых.

Нет ничего невозможного и в переезде Кавылы в Москву – почему бы не связать это событие с браком между Софьей Витовтовной и Василием Дмитриевичем? Отношения же между Москвой и Рязанью после того, как Сергей Радонежский в 1386 г. содействовал примирению московского и рязанского великих князей, наладились. Как отмечал Д.И. Иловайский в своей истории Рязанского княжества, «место ожесточенной вражды заступили родственные и дружеские отношения, при помощи которых Рязанское княжество продлило свое политическое существование еще на целое столетие с четвертью»⁵⁴. И если Семен Кавыла не смог утвердиться на Москве, стать своим среди многочисленного и сплоченного московского боярства, то в его отъезде «на ловлю счастья и чинов» в Рязань, к другу и союзнику Василия Дмитриевича также нет ничего невозможного, равно как и в обратном отъезде сына Семена, тоже Семена, в Москву. Сын Семена Яков (прадед нашего героя) снова перебирается в Рязань, причем это произошло после 1425, но до 1427 г. – этим годом датируется жалованная грамота великого князя Рязанского Ивана Федоровича, одним из свидетелей которой был назван чашник великого князя Яков Ковылин⁵⁵. Норма же, регулировавшая свободный переезд служилых людей между Москвой и Рязанью («а бояром и слугам межи нас волным воля»), регулярно повторяется в межкняжеских докончаньях⁵⁶.

С этого момента на без малого сто лет судьба рода Сидоровых и их родственников Сунбуловых и Чулковых оказалась связана с рязанским княжеским домом. К чему это привело, описал А.А. Зимин. По его словам, «позднее включение Рязани в состав единого Русского государства повлияло на то, что бывшие рязанские бояре и окольничие так и не смогли пробиться в московскую Боярскую думу»⁵⁷. И наш герой не стал исключением из этого правила. Ни «дородность» (по местным рязанским понятиям), ни многолетняя служба – всего этого

оказалось недостаточным, чтобы пробиться на самый верх московского военно-политического олимпа. Но обо всем по порядку.

Когда и где родился наш герой? Если верить «Истории» князя Курбского, то Степан Сидоров скончался в возрасте 80 лет. Следовательно, зная время его смерти (лето 1555 г.), появиться на свет он должен был около 1475 г. Будучи поверстанным на службу в 15 лет (то есть около 1490 г.), Степан сел в седло, взял в руку саблю и с тех не выпускал ее из рук до самой своей смерти. А в том, что он избрал военную стезю, карьеру «стратилата», сомнений нет – для «дородного» сына боярского этот выбор предполагался изначально. Увы, к сожалению, о том, какие «службы» служил Степан, будучи слугой рязанских князей (а их сменилось за время его жизни четверо), где и как он набирался опыта в «богатырских вещах», доподлинно неизвестно. Можно лишь предполагать, где и в каких событиях принимал участие наш герой, исходя из зафиксированного в московско-рязанских договорах положения о том, что «где поидем мы, великие князи, ратью на своего недруга, и тебе, великому князю (рязанскому. – *В. П.*)... самому пойти с нами без ослушанья. А где пошлем воевод своих, и тебе послати с нашими воеводами своих воевод в правде, без хитрости»⁵⁸. Чем же грозила неявка служилых рязанских людей по приказу из Москвы, их «ослушанье» и «хитрость», хорошо видно из наказа Ивана III своим посланцам, сопровождавшим османское посольство. Им было велено передать вдове великого князя Рязанского Ивана Васильевича Аграфене, чтобы «твоим людем служилым, бояром и детем боярским и селским людем служилым, быти им всем на моей службе» и при этом не отъезжать на Дон. А если кто осмелится ослушаться этого приказа, того великий князь и государь всея Руси велел княгине «которого у того человека остались на подворье жона и дети, и ты бы тех велела казнити, а не учнешь ты тех людей казнити, ино их мне велети казнити и продавати...»⁵⁹.

Летописи и разрядные записи конца XV – начала XVI в., времен заката независимого Рязанского княжества, рисуют нам картину относительного спокойствия. После стояния на Угре, по словам Д.И. Иловайского, «вместе с Москвою и Рязань навсегда избавилась от ига... Золотая Орда после Крымского погрома уже не в состоянии была высылать по-прежнему толпы грабителей, и нападения с этой стороны, по-видимому, прекратились. В следующие 30 лет о них почти не слышно; Рязанская земля, спокойная внутри и безопасная извне, в это время наслаждалась отрадным отдыхом»⁶⁰. Оговорка же «относительного» не случайна – Большая Орда Ахматовичей, переживавшая трудные времена и клонившаяся к упадку, действительно уже не могла организовать крупное нашествие. Однако это не мешало отдельным мурзам и князьям, «казаковавшим» в Поле, на свой страх и риск совершать набеги на русские укреины. Примером такого набега может служить случай, упомянутый в летописи под июлем 1492 г.: «Приходиша татарове ординские, казаки, в головах приходил Тимишом зовоуть, а с ним двесте и 20 казаков, в Алексин, на волость на Вошань и пограбив и поидоша прочь». 64 служилых человека великого князя под началом голов Ф. Колтовского и Г. Сидорова (уж не родственник ли нашего Степана?) отправились в погоню за татарами, «и оучинися им бой на поли промеж Трудов и Быстрыя Сосны, и оубиша погани великого князя 40 человек, а татар на том же бою оубиша 60 человек, а иные едучи татарове в Ордоу ранены на поути изомроша»⁶¹. Нечто подобное произошло и на Рязанщине годом позже, когда «татарове, казаки ординские», внезапно («изгоном») пришли «на Рязанские места, и взяша три села, и поидоша вскоре назад»⁶².

Увы, сохранившиеся источники ничего не сообщают нам об участии юного Степана Сидорова в борьбе с такими казаками» (равно как и о том, как именно была устроена на Рязанщине пограничная и сторожевая служба). Но вот где мог получить свое пускай и не боевое, но крещение юный сын боярский, сказать, пожалуй, можно (хотя, конечно, это только предположение). Речь идет о большом выходе русских полков в Поле, предпринятом в 1491 г. В мае этого года крымский «царь» Менгли-Гирей, друг и союзник Ивана III, прислал в Москву

гонца Кутуша с посланием, в котором молил московского государя о помощи («прислал бити челом к великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси царь крымской Мин-Гирей, что идут на него ардынские царевичи Сеит да Охмет с силою»⁶³). Ивана III такое развитие событий совершенно не устраивало – Ахметовичи, дети «царя» Ахмата, того самого, который в 1480 г. «стоял» на Угре со своей ратью, были врагами «московского». Поддержка Менгли-Гирея соответствовала его планам дальнейшего ослабления Большой Орды, и потому «князь великы на помощь крымскому царю Менли Гирею отпустил воевод своих в поле ко Орде», князей П.Н. Оболенского и И.В. Репню Оболенского, «да с ними многих детей боярьских двора своего, да Мердоулатова сына царевича Сатылгана с уланы и со князи и со всеми казаки послал вместе же со своими воеводами». Своих воевод по приказу Ивана отправил казанский «царь» Мухаммед-Эмин и брат великого князя Борис Васильевич (другой брат, Андрей, проигнорировал требование старшего брата и своих ратных людей в Поле не отправил)⁶⁴.

В летописи состав русско-казанского воинства, отправившегося в Поле против Ахметовичей, прописан не весь, в сокращенном виде, чего не скажешь о дипломатической переписке Ивана с Менгли-Гиреем. 21 июня того же года московский государь писал своему «брату», что вместе с его людьми и ратными от казанского «царя» на встречу Ахметовичам отправились и «сестричев моих резанских обеих воеводы» (рязанские князья Иван и Федор были детьми Василия Ивановича, великого князя Рязанского, и сестры Ивана III Анны)⁶⁵. И поскольку предприятие это было совсем немаленьким, то вероятность того, что 16-летний Степан Сидоров поучаствовал вместе с другими рязанским «воинниками» в этом «Польском походе», достаточно велика.

Следующий раз рязанцы ходили в «Польской поход» спустя 10 лет, в 1501 г., и снова этот выход был связан с борьбой Менгли-Гирея и Ивана III с Ахметовичами. В июле этого года в Москву прибыл сын боярский Ф. Кушелев с грамотами от московского посла в Крыму И. Мамонова, а с ним «царский татарин» Кутуш с письмами Менгли-Гирея Ивану III. Крымский «царь» отписывал Ивану, что-де Ахметовичи, «содиначившись», намерены идти в верховья Дона, с тем чтобы соединиться там с литовской ратью. Узнав об этом, хан собрался выступить навстречу своим природным врагам, но при этом попросил у Ивана «к нам на пособь десять тысяч человек посадив на конь к нам пришли, и хотя пак одну тысячу наперед пришли, прикажи», а к ним, вприбавку, русскую «судовую рать», а «в судех пушки и пищали»⁶⁶.

За Иваном дело не стало. Отправляя спустя две недели Кутуша обратно, он писал хану, что верный союзническому долгу и братской дружбе, «ныне посла есмя на поле на орду Махмет-Аминя царя да и брата твоего царевых Нордоулатовых уланов, и князей и казаков с ним есмя послали, да и русскую рать с ним есмя послали» с наказом, как пойдут Ахметовичи против Менгли-Гирея, «идти на их орду» и улусы их «имать», и быть «у них на хребте и недружбу бы им чинил, сколко им Бог пособит»⁶⁷. Разрядные книги позволяют уточнить, кто именно вошел в состав русской пособной рати – «великой княгине резанской (Аграфене Федоровне, вдове великого князя Рязанского Ивана Васильевича. – В. П.) велел князь великий послати воевод Сунбула Тутыхина (двоюродный брат отца Степана Сидорова Григория. – В. П.) да Микиту Инкина сына Измайлова, а князю Федору (брату покойного рязанского великого князя. – В. П.) велел послать Матвея Булгака Денисьева»⁶⁸.

Поход по уже известному маршруту снова, как и прежде, обошелся без боевых столкновений. Менгли-Гирей и Ахметовичи, постояв некоторое время друг против друга «усть Сосны» в укрепленных таборах («крепость учинив») и учинив «стравку» (т. е. прощупав намерения и силу друг друга в серии стычек удальцов-богатуров), после чего крымский «царь», сославшись на то, что де кони у него устали, а корму нет, и к ордынскому «царю» помощь идет, не дождавсь подхода рязанско-казанской рати, повернул назад⁶⁹. Ну а раз хан ушел, то и смысла продолжать новый «польской поход» не было. В итоге посланная Иваном III «пособная рать» тоже

повернула восвояси⁷⁰. И, поскольку в этой экспедиции снова, как и в прошлый раз, принимали участие все рязанские полки, то вряд ли Степан Сидоров, которому к тому времени исполнилось 25–26 лет, остался в стороне.

За исключением этих эпизодов, если судить по летописным и разрядным записям, на южной «украине» в конце XV – начале XVI в. было относительно спокойно. Пользуясь же тем, что крымский и казанский «цари» были его «братьями» и союзниками, Иван III в начале 90-х гг. переориентировал главные свои усилия во внешней политике на западное, литовское направление. В этой связи отметим, что с Литвой у Рязани были давние счеты, еще со времен Олега Рязанского, который попытался было стать «третьей силой» в споре Литвы и Москвы за право собирать под свою руку русские земли. Ноша эта оказалась неподъемной для Рязани, однако на рязанско-литовском пограничье ситуация оставалась беспокойной. Взаимные наезды и мелкие конфликты продолжались, свидетельством чему может служить посольство во главе с Василием Хребтовичем, прибывшее в Рязань к великому князю Ивану Федоровичу летом 1456 г. с жалобой от великого князя Литовского Казимира на своеволие и бесчинства рязанцев. Казимир наказывал своему послу передать Ивану, что годом раньше, в канун Николина дня, «твои люди з твое земли пришедши безвестно... войною, под город наш Мценск, место зажгли, села повоевали и многии шкоды починили, и люди головами в полон повели». Но набег на Мценск был достаточно крупной акцией, а вот более мелкие наезды и разбои были обыденным явлением. Рязанцы, не особо церемонясь, согласно жалобам литовских «украиньников», регулярно чинили на пограничье «кривды и шкоды велики», «татьбы, забои и грабежи», «места и села жгут» и «головами в полон ведут», «зверя бьют, а пчолы дерут, а по рекам бобры бьют и рыбы ловят, где издавна им входов не бывало», и «иные многие шкоды делают»⁷¹. Одним словом, пути-дороги рязанцам на литовские «украины» были хорошо ведомы, и, когда Иван III во исполнение прежних договоров призвал своего «сестрича» Ивана Васильевича послать своих воевод вместе с москвичами против Литвы, они знали, куда идти и что делать.

Конфликт между Москвой и Вильно был предопределен еще в XIV в., когда две правящие династии, московские Калитичи и литовские Гедиминовичи, заявили о своих претензиях на «наследство Ярослава Мудрого». На первых порах, во второй половине XIV – первой трети XV в., при великих литовских князьях Ольгерде и Витовте, перевес был на стороне Литвы. Однако после смерти Витовта, не оставившего прямых наследников, внешнеполитическая активность Вильно на востоке пошла на спад и при великом князе Казимире практически сошла на нет. Казимир даже не смог оказать поддержки и помощи Новгороду, когда тот попытался перейти под его покровительство, не желая признавать верховенство Ивана III, равно как и старинному союзнику, Тверскому княжеству. Инициатива перешла к московскому великому князю, и переход его к наступательной политике был лишь вопросом времени, а повод – что ж, повод долго искать не надо было. Мелкие наезды и прочие «обидные дела» на московско-литовском пограничье давно уже стали такой же повседневностью, как восход и заход солнца, порой перерастая в довольно серьезные стычки, как это было, к примеру, в 1488 г. Прибывший в конце декабря этого года от Казимира в Москву посол Иван Плюсков жаловался Ивану III, что-де «люди твои с Колуги полки приходили под города наши (Мценск и Любутск. – В. П.) и многи шкоды людем нашим починили, люди побили, а инии головами у полон повели, животы и с статки побрали», и не только под Мценск и Любутск, но под Торопец, Вязьму, Смоленск и другие украинные волости. На эти обвинения Иван III выдвинул свои претензии, в частности, что жаловавшиеся на своевольства и грабежи со стороны московских людей князья Семен и Дмитрий Воротынские сами хороши, наслали «на наши волости на Медынские своих людей Ивана Шепеля да Ивана Бахту, да Федора Волконского, да Звягу Иванова, на Сеню

Павлова и с иными со многими людми з знамяни и с трубами войною (sic!), да волости наши выграбили и выжгли, а людей многих до смерти побили, а иных головами свели...»⁷².

Пограничные конфликты постепенно переросли в большую войну между Москвой и Вильно. Сперва летом 1492 г. московские полки под водительством князя Ф. Телепня Оболенского взяли Мценск и Любутск и увели в Москву множество полону. Затем в конце того же года князя С.Ф. Воротынский и еще несколько пограничных «верховских» князей отъехали на Москву «с вотчинами, з городами и с волостьми»⁷³. Великий князь литовский Александр, сменивший на виленском столе умершего летом 1492 г. Казимира, отправил отбивать важные пограничные городки Мезецк и Серпейск своих воевод, «из Смоленска своего пана Юрья Глебовича да князя Семена Ивановича Можайского, да князей Друцких», которые названные городки «с волостьми поимали и позасели»⁷⁴. Ответный ход Ивана не заставил себя долго ждать. Получив известия о том, что «так над нашими слугами учинилося за вашею (литовскою. – В. П.) посылкою, и мы велели своих слуг боронити»⁷⁵, Иван собрал на Москве большую рать, которая выступила в поход 29 января 1493 г. И в эту рать, помимо государевых полков, ведомых девятью воеводами, и князя Семена Воротынского (недавно перешедшего на службу Ивану III) со товарищи, вошли также рязанские полки великого рязанского князя Ивана Васильевича, которыми командовал воевода Инька Измайлов, и удельного рязанского князя Федора Васильевича «со многими людми»⁷⁶. Судя по всему, экспедиция была серьезной, и рязанские князья выставили под знамена Ивана III большую часть своих сил, а значит, и Степан Сидоров, которому шел тогда примерно 18-й год, не мог не принять участия в этом зимнем походе.

Поход соединенной рати увенчался полным успехом. Согласно летописям, «смоленский же воевода пан Юрии Глебович и князь Семен Иванович Можасково, слышав рать силну великого князя идоуща противу их, и в граде посадиша князеи и панов многих во осаде, а сами оубоявшись и побегоша к Смоленскоу». Подступившие было к Мезецку московско-рязанские полки были встречены тамошними посадскими людьми, открывшими ворота и повязавшими посаженного в городе окольного Кривца «и иных многих князеи и панов, Литвы и смолян». Приведя жителей Мезецка к «целованию за великого князя», союзная рать двинулась дальше, к Серпейску, который оказал московским и рязанским воинам упорное сопротивление, «воеводы же великого князя повеле воем моужствене приступати ко граду с пушками и с пищальми». Приступ увенчался успехом, Серпейск пал. Гарнизон городка был частью перебит, частью попал в плен вместе с оставленным Глебовичем руководить обороной Серпейска Иваном Плюсковым (тем самым, который несколькими годами раньше ездил в Москву с посольством). Сам же Серпейск был разграблен и сожжен, а немногие его уцелевшие жители целовали крест великому князю. Следующим на очереди был Опаков, который ожидала та же печальная судьба. «И тако възвратишась, – писал летописец, – а Литвою и смолян, сидящих в осаде, и градских болших людей приведоша на Москву, а всех их 500 и 30 человек; и князь велики Иван Васильевич посла их в заточение по своим градом»⁷⁷.

Собственно, на этом война с Литвой для рязанцев и закончилась. Московские полки в том году еще не раз ходили ратью на владения великого князя Александра, но помощи своих «сестричей» Иван III уже не требовал. Но и без того рязанцы изрядно ополонились, нахватили разных животов, а молодые «удальцы и резвцы, узорочье рязанское», такие, как наш герой, набрались опыта участия в большом зимнем походе и организации осады и штурма укрепленных городов.

В следующий раз помощь рязанцев потребовалась Ивану во время следующей войны с Литвой. Сперва рязанские полки, которыми командовал «великие княгини рязанские воевода Яков Назарьев», вместе с полками великого князя и удельных князей Василия Шемячича и Семена Стародубского в ноябре 1501 г. подступили к Мстиславлю. Навстречу им вышел князь Михали Ижеславский, владетель Мстиславля, и воеводы великого литовского князя Якуш

Костевич и Остафий Дашкевич «з двором великого князя заставою и з жольныри». В последовавшем сражении успех сопутствовал соединенной московско-рязанской рати. «И снидошась полци вместе, – сообщал своим читателям московский книжник, – и божиею милостию одолеша полци великого князя Ивана Василевича московстии, и многих Литвы изсекоша, тысяча с семь (явно сильно преувеличенное число. – В. П.), а иных многих поимаша». Князь Михаил едва сумел укрыться в замке, взять который полки великого князя так и не смогли, хотя, по словам составителя «Хроники Быховца», «оступивше город Мстиславль, стояли время немало, и много злого около города вчинивши»⁷⁸. Был ли Степан Сидоров в этом достаточно успешном походе (Мстиславль взять не удалось, но его посады были сожжены, округа – разграблена, и взят немалый полон) – на наш взгляд, скорее да, чем нет. Кому, как не ему, богатому и знатному рязанскому бояричу, ходить «конно, людно и оружно» в поход на литовский «дальноконный град»?⁷⁹

На следующий, 1502 г. великий князь замыслил нанести своему противнику Александру сокрушительный удар, взяв Смоленск. В состав рати под началом сына Ивана Дмитрия Жилки, посланной к этому важному в стратегическом, политическом и экономическом отношении городу, вошли и рязанские полки под водительством князя Федора Васильевича⁸⁰. Правда, из разрядных записей неясно, командовал ли он всеми рязанскими «резвецами» или только своими, из своего удела, поэтому участие Степана Сидорова в этом предприятии, окончившемся, впрочем, неудачей, маловероятно, чего не скажешь о предпринятом под занавес войны зимнем походе 1502/03 г. «из Северы на литовскую землю». На этот раз владения великого князя Литовского воевали все рязанцы – в полку правой руки был все тот же участник мстиславльской экспедиции «великие княгини рязанской воевода Яков Назарьев» со своими людьми, а в полку левой руки – «князь Федоров воевода Васильевича Рязанского Чевка Васильевич Дурнова»⁸¹.

По всему выходит, что к 30 годам наш герой уже приобрел немалый опыт участия в боях и походах – здесь и дальние выходы в Поле, и «малая» война с татарскими «казаками», набегавшими на государевы украины, и набеги на Литву, и полевые сражения, и осада крепостей. Можно предположить, что Степан к этому времени уже продвинулся вверх по карьерной лестнице и стал начальным человеком – сотенным головой⁸². Вполне возможно, что со временем он поднялся бы и выше, выбился бы в полковые воеводы, которые ходят «своим набатом, а не за чужим набатом и не в товарищах»⁸³, но в 1505 г. скончался Иван III, на московском столе воссел его сын Василий. Сменились и действующие лица на рязанской политической сцене – в 1500 г. умер великий князь Рязанский Иван Васильевич, спустя год ушла из жизни его жена, сестра Ивана III Анна, в 1503 г. не стало и брата Ивана Федора. Он перед смертью завещал свой удел Ивану III, а московский князь, в свою очередь, своему наследнику Василию⁸⁴. «В начале XVI в. от древнего Рязанского княжества оставалась только небольшая часть земель, – констатировал Д.И. Иловайский, – со всех сторон охваченная московскими владениями (согласно завещанию Ивана III, в руки Василия III перешел «на Рязани в городе и на посаде свои жеребеи», которым ранее владел Федор Васильевич. – В. П.); самая колыбель княжества Старая Рязань была в числе этих владений»⁸⁵. Меняется мир и за пределами Московского государства и Рязанского княжества (точнее, того, что от него к тому времени осталось). Большая Орда так и не оправилась от последствий острейшего экономического кризиса и обострившихся внутренних распрей и после «стояния на Сосне» фактически распалась⁸⁶. А с распадом Орды и смертью Ивана III отношение Менгли-Гирея к союзу с Москвой стало изменяться, и не в лучшую сторону, равно как и московско-казанские отношения. И в довершение всего в 1506 г. умер король Польши и великий князь Литовский Александр. Начиналась новая эпоха.

Первым знаковым ее событием стал неудачный поход московской рати на Казань, принятый в ответ на откровенный разрыв казанским «царем» Мухаммед-Эмином отношений с Москвой. Начинаясь вполне благополучно, он закончился катастрофой⁸⁷, и эта катастрофа имела далекоидущие последствия. В Литве и Казани начали зреть реваншистские планы, позиции «московской» партии при крымском дворе поколебались, и, что самое главное, нет никакого сомнения в том, что и в самой Рязани оживилась борьба сторонников и противников союза с Москвой. И снова обратимся к Д.И. Иловайскому. Историк писал, что при Василии III, в первые годы его правления, система отношений между Москвой и Рязанью осталась прежней, но с учетом перемен, произошедших в начале столетия, «такой порядок вещей не мог держаться долгое время». Еще бы – с тех пор, как Василий унаследовал от отца удел покойного Федора Васильевича Рязанского, пределы его власти в Рязани существенно расширились. И это обстоятельство не могло не беспокоить ту часть рязанского боярства, которая опасалась (и не без оснований) утратить свой статус и свое место во властной иерархии в случае, если Василий попытается ликвидировать остатки рязанской независимости. «Московская», «старорязанская» партия, группировавшаяся вокруг вдовы великого князя Аграфены, надеялась, видимо, выказывая лояльность московскому великому князю, сохранить status quo и милую их сердцу «старину». Но ее позиции были сильны до тех пор, пока не ослабевала железная хватка Москвы. Поражение же полков Василия III под Казанью и отпадение Казани давало надежду противникам Москвы, группировавшимся вокруг юного Ивана Ивановича, вернуть Рязани прежнюю независимость и, естественно, перераспределить власть, деньги и привилегии в свою пользу, оттеснив в сторону московских доброхотов. К этой «партии» историк относил боярские фамилии Кобяковых, Коробьиных, Глебовых, Олтуфьевых, Калеминых и родственников Сидоровых Сунбуловых. Федор Сунбул, родоначальник Сунбуловых, по мнению Иловайского, играл важнейшую роль при дворе Ивана Ивановича⁸⁸, и, на наш взгляд, именно он и был главой «младорязанской» партии. Любопытно, что если Иван III не часто, но регулярно привлекал рязанские полки к походам против Орды и Литвы, то при Василии III ни летописи, ни разрядные записи не пишут ничего об участии «узурочья рязанского» ни в войне с Великим княжеством Литовским в 1507–1508 гг., ни в войне с Казанью, ни в новой войне с Литвой, начавшейся в 1512 г. И чем можно объяснить тот факт, что в своем ярлыке, который Менгли-Гирей отправил Сигизмунду, новому великому князю Литовскому в 1507 г., хан жаловал «брата» своего, помимо всего прочего, еще и Рязанью с Переяславлем «в головах, людях, тьмах, городах и селах, и данях, и выходах, и з землями, и з водами, и с потоками»? Причем в ярлыке было отдельно прописано, что «вышеи писанные города, князи и бояре наперед сего великому князю Витовъту, брату нашему, а потом великому князю Жикгимонъту, брату нашему, какъ есте служивали, ино и ныне по тому жъ великому князю Казимиру, брату нашему, служите, колко городовъ, дани и выходы сполна давали, а которые люди напотом повышая дали есмо, не молте, перво того не служивали есмо, и дани и выходу не даивали есмо, некоторое вымовъки не меите, дани и выходы даивайте, отъ нынешнего часу служите»⁸⁹.

Складывается впечатление, что все это звенья одной цепи. Смена власти в Москве вдохновила «младорязанскую» партию при дворе юного Ивана Ивановича на определенные действия, нацеленные на дистанцирование от столицы Русского государства и, в перспективе, на восстановление независимости Рязани как великого княжества. Понятно, что без надежных союзников сделать это было невозможно – ресурсы Рязани и Москвы к тому времени были несопоставимы, и в качестве таковых помощников Федору Сунбулу и его единомышленникам виделись Литва и Крым. Похоже, что и первые контакты «партии» Ивана Ивановича с Крымом и Литвой приходятся как раз на 1506–1507 гг., и Василий III, осведомленный об этих контактах, занял выжидательную позицию, благо чего-чего, а терпения и умения ждать ему было не

занимать. Однако привлекать рязанцев к своим внешнеполитическим акциям он не стал – кто его знает, до чего они договорились с Сигизмундом?

Какую позицию во всех этих интригах занимали Сидоровы и наш герой? Круг лиц, причастных к контактам между Сигизмундом, Менгли-Гиреем (а потом его преемником Мухаммед-Гиреем) и рязанским князем, довольно точно очерчен в следственном деле о побеге Ивана Ивановича из московского заточения в 1521 г.⁹⁰ Ни семейство Сидоровых, ни сам Степан в этом комплоте как будто замешаны не были⁹¹, однако же недоверие, которое испытывал Василий III по отношению к рязанцам, сказалось и на них. Но об этом немного ниже, а пока вернемся к последним годам рязанской независимости и интригам рязанского двора.

Затянувшаяся для рязанских служилых людей на почти 10 лет пауза в участии в походах и боях была прервана в 1512 г. Сперва в мае «прииде весть к великому князю, что крымского царя Минлигиреевы дети, Ахмат Кирей и Бурнаш Кирей, пришли безвестно на великого князя украйну, на Белевские и на Одоевские места», «а иные тотаровя, отделясь, пошли вниз на олексинские места, и на Колодну, и на Волкону»⁹². Немедленно по получении этой неприятной новости пришли в движение московские полки, выступившие навстречу татарам и занявшие важнейшие броды через Оку. «В седло всели», судя по всему, и рязанцы. И эта предосторожность, как оказалось, была совсем не лишней. В июле месяце сторожи принесли весть, что «Махмут царевич Крымской пошел был на Рязань»⁹³. Однако, узнав, что его ждут на р. Осетре князь А.В. Ростовский «и иные многие вьеводы», повернул назад. «А воеводы великого князя за ним ходили на Поле до Сернавы, – продолжал летописец, – да его не дошли»⁹⁴.

Треволнения этого года на этом не закончились. Как оказалось, Бурнаш-Гирей, «пленниша волости Воротынские и Одоевские», не удовлетворился взятым полоном и добычей и вернулся, на этот раз нанеся удар с другой стороны. Типографская летопись сообщала, что татары явились под Рязанью «безвестно» 6 октября «и стояли 3 дни и острог взяли и прочь пошли с полоном». Другие летописи дополняли это известие – Бурнаш-Гирей «со многими людьми» не только «ко граду приступал», но и «земли Рязаньской много пакости сотворил, и пленив, отъиде»⁹⁵. И практически нет сомнений в том, что Степан Сидоров со своими людьми если не ходил на Осетр, а оттуда в Поле за Мухаммед-Гиреем в июле, то уж совершенно точно «сидел» в Рязани в те памятные октябрьские дни, когда Бурнаш-Гирей обложил стольный град и пустошил его окрестности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.